

- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // Российская археология. 1997. №3.
- Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.
- Güneri A.S. Altay Dağları Bölgesi Kaya Resimleri: Klasik Türk Dönemi-2 Evresi Türk Tasvir Sanatına Dair Yeni Kavramlar // Arkeoloji ve Sanat. 159: Eylül-Aralık 2018. (на тур. яз.)
- Konstantinov N., Soenov V., Cheremisin D. Battle and hunting scenes in Turkic rock art of the early Middle Ages in Altai // Rock Art Research. 2016. Vol. 33. No 1.
- Гай Шаньлинь. Иньшань яньхуа [蓋山林。陰山岩画]. Петроглифы гор Иньшань. Пекин, 1986. 2, 20, 442 с. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь. Уланьчабу яньхуа [蓋山林。烏蘭察部岩画]. Петроглифы степи Уланьчаб. Пекин, 1989. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь. Баданьцзилинь шамо яньхуа [蓋山林。巴丹吉林沙漠岩画]. Петроглифы пустыни Баданьцзилинь. Пекин, 1997. (на кит. яз.)
- Ду Чэнфэн. Сунань яньхуа [杜成峰。肅南岩画]. Петроглифы Южной Ганьсу. Ланьчжоу, 2014. (на кит. яз.)
- Ли Сянши, Чжу Цуньши. Хэланьшань юй Бэйшань яньхуа [李祥石, 朱存世。賀蘭山與北山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань и Бэйшань. Иньчуань, 1993. (на кит. яз.)
- Сю Чэн, Вэй Чжун. Хэланьшань яньхуа [许成, 卫忠。贺兰山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань. Пекин, 1993. (на кит. яз.)
- Тан Хуйшэн, Чжан Вэньхуа. Цинхай яньхуа – шицянй ишу чжун эрьюань дуйли сывэй цзи цзи гуаньянь дэ яньцзю [汤惠生, 张文华。青海岩画一史前艺术中二元对立思维及其观念的研究]. Петроглифы Цинхая – исследование дуалистического мышления и его идей в первобытном искусстве. Пекин, 2001. (на кит. яз.)
- Хань Циган. Субэй яньхуа [韩积罡。肃北岩画]. Петроглифы Северной Ганьсу. Ланьчжоу, 2015. (на кит. яз.)
- Чжан Баоси. Ганьсу шэн Цзиньюань сянь Учзячуань фасянь яньхуа [张宝玺。甘肃省靖远县吴家川发现岩画] Петроглифы, обнаруженные в Учзячуань, уезда Цзиньюань пров. Ганьсу // Вэньу. 1983. №2. (на кит. яз.)
- Чжоу Синхуа. Чжунвэй яньхуа. [周兴华。中卫岩画]. Петроглифы Чжунвэя. Иньчуань, 1991. (на кит. яз.)

УДК 903.27

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.45

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

«ЗОДИАКАЛЬНАЯ» ТАТУИРОВКА ВОЖДЯ-ЖРЕЦА ИЗ ПАЗЫРЫКА-2

В 1948 г. во время раскопок большого 2-го Пазырыкского кургана на Алтае археологическая экспедиция С.И. Руденко обнаружила мумию мужчины с татуировками, а в 1949 г. была опубликована его первая статья об этой уникальной находке. Многие археологи неоднократно рассматривали связанные с этой татуировкой разные аспекты: стиль изображений, хронология, социальные и этнические проблемы. В статье впервые поставлен вопрос об общей семантике татуировки на теле вождя-жреца из кургана Пазырык-2. Изображения реальных и «сверхъестественных» образов на этой татуировке позволяют предполагать, что это была единая сакральная композиция, связанная с общей «моделью мира» «пазырыкцев» Алтая, с их зодиакальными и календарными представлениями. От созвездия Рыб на правой ноге вождя через созвездия Козерога (колено), Льва (сердце) к созвездию Барана/Овна (на левом плече), через переходные «сверхъестественные» образы, названные автором медиаторами, – таков зодиакальный круг на пазырыкской татуировке. Следует отметить, что на этой татуировке показана одна из ранних «композиций» сакрального «зодиакального человека», реально нанесенная на тело вождя-жреца, позднее нашедшая отражение в многочисленных рисунках из разных регионов мира.

Ключевые слова: Алтай, Пазырык, татуировка, зодиак, вождь, жрец, семантика

Предыдущие объяснения пазырыкских татуировок

По данным письменных источников и по археологическим находкам в скифское время (так же как ранее и позднее у многих народов Евразии и других стран мира) татуировки на теле человека обладали рядом важных социальных, культурных и сакральных качеств. Рассмотрим основные научные выводы разных исследователей, полученные при изучении татуировки из Пазырыка-2.

Социальный аспект (ранг/статус человека). При нанесении разных по степени сложности татуировок социальный ранг отражался в определенных образах-знаках, месте их нанесения на теле человека, а также в числе рисунков и качестве их исполнения. На тело мужчины монголоидного облика из Пазырыка-2, которому в момент погребения было около 60 лет, была нанесена татуировка в виде изображений реальных и «фантастических» животных, а также большой рыбы и точек (рис. 1). По мнению

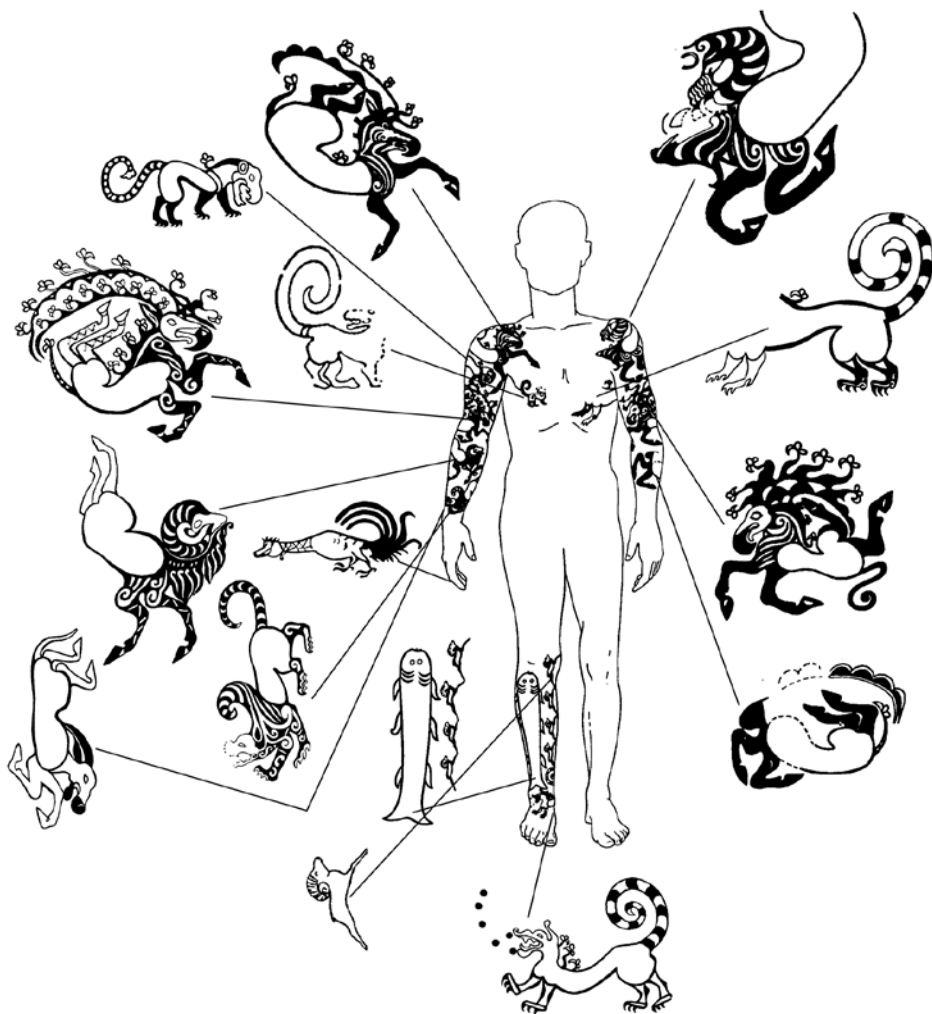

Рис. 1. Общий вид и отдельные образы на татуировке вождя-жреца из большого кургана Пазырык-2 на Алтае

С.И. Руденко, татуировка вождя из Второго Пазырыкского кургана, «вероятнее всего, отмечала его знатное происхождение или его мужество, может быть, и то и другое вместе». Он отметил, что по свидетельству Помпония Мелы скифы-агафирсы «разривывали тела в зависимости от степени их благородства» [Руденко, 1953, с. 136–141]. В дальнейшем многие ученые поддержали эту точку зрения.

О высоком социальном статусе вождя из Пазырыка-2 свидетельствует его погребение в кургане самого высокого ранга – с огромной каменной насыпью, в двойном деревянном срубе, в большой колоде, с двумя приборами для курения конопли (с двумя шестиногами и двумя курильницами), с дорогими импортными предметами и с семью сопровождающими конями [Руденко, 1953; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Марсадолов, 2019; и др.].

Татуировка как раскраска воина. Крупные изображения оленей и других животных на центрально-азиатских «оленных» камнях археологи вначале считали рисунками бронзовых блях или аппликацией на одежде, но М.П. Грязнов [1984, с. 76] отметил, что образы на изваяниях передают «более правдоподобно, татуировку на теле воина, подобную татуировке пазырыкского вождя на Алтае». Эту точку зрения М.П. Грязнова поддержал К. Йеттмар, который также считал, что рисунки на «оленных» камнях, возможно, повторяли боевую раскраску на телах воинов [Jettmar, 1994, p. 5].

Семантический аспект. Ученые неоднократно анализировали семантические основы татуировок пазырыкской культуры. Особенно много противоречивых точек зрения было высказано по поводу трех самых сложных «сверхъестественных» образов на татуировке вождя из Пазырыка-2 (рис. 1), которые археологи называли по-разному: «фантастическим зверем» или «оленем с птичьим клювом» [Руденко, 1953, с. 311–314], «грифо-копытным» [Суразаков, 1984, с. 69], «коне-грифоном» [Полосьмак, 1994, с. 9; Ковалев, 1999, с. 82], фантастическим «коне-грифоном» [Баркова, Панкова, 2005, с. 57], «клювоголовым» оленем или грифоном с рогами и туловищем оленя [Черемисин, 2008, с. 104], «копытным грифоном» [Шульга, 2010, с. 68; Азбелев, 2017, с. 53–54] и др. Но эти краткие определения не совсем точно отражают сложную составную сущность и назначение этого сакрального образа, так как в нем совмещены не два, а минимум 6–7 образов: *четырёх копытных* (конь-олень-козел-сайга – рога и тулово), *хищной птицы* (орел или грифон – голова) и *хищника-зверя* (хвост).

Необходимость посредников-медиаторов

Как хорошо известно, на Саяно-Алтае в VIII–IV вв. до н.э., захоронения в основном совершали весной и осенью (курганы Аржан-1, Туэкта-1, Пазырыки-1–5 и др.), что находит подтверждение в письменных источниках, а в Китае целый исторический период с 722 по 481 гг. до н.э. назвали периодом «Весны и Осени». В VIII–VII вв. до н.э. на «оленном» камне из кургана Аржан-1 в Туве и на сакральном зеркале из Келермесса на Кубани отражено противостояние мирных и агрессивных животных, а также сцены борьбы и мира. На сакральных зеркалах с Бухтармы и Келермесса нашла отражение календарная идея, что образы-созвездия оленя и барана (Овна) противостояли образу-созвездию Козерога, как точки Весны и Зимы [Марсадолов, 1982; 2013]. Как в течение одного дня солнце в качестве света, тепла, жизни противопоставлено луне, темноте, прохладе, смерти; как копытные животные противопоставлены хищникам; так и в течение одного года разные небесные созвездия, по мере прохождения около них солнца и луны, противопоставлены между собой и находятся в определенной оппозиции и последо-

вательности друг к другу. Постепенно в VI–V вв. до н.э. жрецами было осознано, что для успешного функционирования календарных систем нужны образы-посредники, например, между природными сезонами, которых в современных терминах можно назвать «медиаторами».

Медиатор – это посредник между противостоящими объектами/сторонами или явлениями, который не поддерживает ничью сторону, но способствует успешному переходу от одного к другому (например, от весны к лету, между осенью и зимой, между зимой и весной), как на татуировке вождя из Пазырыка-2, что более подробно будет рассмотрено в отдельной статье. Каждый из трех медиаторов на пазырыкской татуировке отличается в деталях, особенно в оформлении рогов и длине хвоста. У медиатора, расположенного в средней части правой руки, преобладают рога оленя с наибольшим числом отростков в виде птичьих головок, у медиатора на правом плече доминирует рог горного козла, а у медиатора на левой руке – все три рога и наиболее длинный хвост хищника.

Жречество в Южной Сибири

Научно жречество пока мало исследовано [Жречество..., 1996]. Многочисленные обобщения знаний о более позднем сибирском шаманстве в какой-то степени могут помочь в понимании более ранних жреческих представлений «скифского времени». Согласно сибирским шаманским традициям насчитывается до 12 и более слоев небес, на которых есть свои обитатели и духи-покровители. В результате длительных этнографических наблюдений и научных обобщений было установлено, что существует много разных по сакральным уровням шаманов, которые в основном подразделяются на белых и черных, а также на малых, больших и великих, которым подчиняется разное число помощников и духов. Только великому шаману подчиняются духи всех уровней мироздания – подземные, земные и небесные, им покровительствуют различные божества. Наличие «духов-помощников у шаманов» в пазырыкской культуре Алтая в виде различных «фигур мифических существ» предполагал С.С. Сорокин [1978].

Как хорошо известно, чем выше был социальный ранг правителя, тем больше у него различных помощников. Так же было у жрецов и шаманов, чем выше был их сакральный уровень, тем больше у них было невидимых духовных покровителей и духов-помощников. У «пазырыкцев» прослеживается закономерность: *на татуировке человека высокого ранга изображали значительно больше фигур (особенно число медиаторов), чем у кочевников более низкого ранга, и соответственно погребали в курганах разных рангов.*

У вождя-жреца из Пазырыка-2 на татуировках было три медиатора и 14 дополнительных образов (далее – ДО), у женщины из Пазырыка-2 – образ-медиатор + два ДО, у женщины из Ак-Алахи-3 – медиатор + пять ДО, а у мужчины в Верх-Кальджине-2 только один медиатор (ряд татуировок сохранились не полностью). Чем больше была каменная насыпь кургана, два или один деревянных внутренних сруба, количество захороненных коней, тем больше было и число образов на татуировках погребенных. В зависимости от социального ранга уменьшается в 2 раза и диаметр каменной насыпи кургана: **36 м** – у вождя-жреца из Пазырыка-2, что составляет **20** прямых саженей по 1,8 м; **18 м = 10** саженей – у женщины-жрицы из Ак-Алахи-3 и **9 м = 5** саженей – у мужчины из Верх-Кальджина-2 [Руденко, 1953; Полосьмак, 1994; Молодин, 2000; Марсадалов, 2019].

Основными отличиями «жреца» от «шамана» являются нижеследующие признаки. Жрецы имели очень высокий социальный и сакральный статус в стратифицированном обществе и были значительно выше рангом, чем многие рядовые кочевники, а позднее у шамана социальный статус был примерно равен статусам других членов коллектива, а «дар» передавался индивидуально через особую «шаманскую болезнь». Жрецы не только сохраняли более ранние сакральные и научные знания, часто изначально полученные от божеств и предков, но и постоянно пополняли их новыми наблюдениями за звездным небом и окружающей действительностью, постоянно фиксировали их на сакральных предметах и объектах [Марсадолов, 2014], а знания шаманов более опирались на индивидуальное общение с различными духами. Погребение шамана часто находилось отдельно от других соплеменников и отличалось необычностью обряда – захоронением в гроте, пещере, подвешенным на дереве, спуском по реке и т.д.

В эпоху бронзы на Алтае производились постоянные астронаблюдения на святилищах в Самисарте, Тархате, Туру-Алты, Бийке и др. Астронаблюдения были продолжены в раннескифское время в Аржане-1, Улуг-Хоруме, Адыр-Кане, Бийке и др. [Марсадолов, 2005; Тишкин, Горбунов, 2005]. В Большом Салбыкском кургане в Хакасии, относящемся к 1-й половине VII в. до н.э., центральную могилу вождя и членов его семьи сопровождали погребения, вероятно, двух служителей культа Неба (белых сил) и Земли (черных сил), находившихся в западном проходе-дромосе [Киселев, 2015, с. 11; Марсадолов, 2015, с. 136–137]. Несомненно, на Саяно-Алтае жреческие культы и знания I тыс. до н.э. позднее были частично переданы шаманам, но следует отметить, что с начала I тыс. до н.э. в этом регионе значительно уменьшилось число как крупных сакральных центров и мегалитических объектов, так и стационарных пунктов для астронаблюдений и фиксации астрознаний [Марсадолов, 2014]. Возможно, шаманизм на Алтае значительно укрепился именно в хуннское время [Потапов, 1991, с. 116]. К этому времени в Азии уже сложились сакральные представления о циклическом Времени, сформировался зодиакальный календарь, поэтому постоянные астронаблюдения стали не такими актуальными и зоокалендарь стал восприниматься как проверенный временем.

«Зодиакальный» человек

Древние жрецы, средневековые и современные исследователи Востока и Запада многократно пытались найти и обосновать связи земного человека с Небом и Землей, с небесными божествами, светилами, созвездиями, водным и подземным мирами. Сакральные знания в древности в большинстве случаев имели практическую подоснову, важную для жизнедеятельности человека во многих окружающих его сферах. Как окружающий человека Мир еще в древности был подразделен на три сферы – небесную, земную и подземную/водную, так и на теле вертикально стоящего земного человека также выделяли три основные части: голова, ассоциируемая с верхом и небесным миром; туловище – земной мир, а ноги и ступни – водный и подземный миры.

Следуя широко распространенному в древности принципу «Человек – земное воплощение небесного Бога или божеств», постепенно облик и тело земного человека, особенно правителей и жрецов (микрокосм), стали отождествлять с небесным миром (макрокосмом). Кроме хорошо видимого движения солнца и луны, попеременно восходящими и заходящими за линию горизонта в течение одного дня, в жизни каждого

человека всегда большое значение имели также сезонные и годовичные изменения, нашедшие отражение в календарных и зодиакальных представлениях.

В 1-й половине I тыс. до н.э. древние кочевники Евразии уже использовали зооморфный календарь в виде последовательности реальных и «нереальных (сверхъестественных)», мирных и агрессивных животных, зверей и птиц [Марсадолов, 2013], а также пытались найти небесные аналогии частям тела человека, что особо отразилось на одежде вождя кочевников – их «золотом уборе/костюме» [Литвинский, 1982; Акишев, 1984; Лелеков, 1984; и др.].

При сакрализации правителя не только его костюм (убранство в целом), но и тело вождя-жреца становились хранителями божественной Власти, полученной от Богов и Предков, в том числе через священные Знания о Времени и Пространстве. На правой ноге вождя-жреца из Пазырыка-2 показан нижний подземный мир в образе рогатого хищника, а также возможные пути перехода снизу вверх, в земной мир, и далее в небесный, через воду в образе крупной рыбы и бесстрашно бегущих вверх горных козлов, т.е. через зодиакальные созвездия Рыб и Козерога (рис. 1). Образ «сверхъестественного» хищника, с головой, повернутой на запад, с открытой пастью, с рогом, длинным туловищем, с сильно закрученным полосатым хвостом и тремя острыми когтями на каждой из лап, находился в самой нижней части ноги вождя. Известно, что собаки хорошо предчувствуют опасность и воем извещают о приближении смерти у близких. Следует отметить, что в Египте с головой собаки/шакала изображали бога Анубиса – стража запада, мира мертвых и погребальных культов, а в Греции трехголовый пес Цербер охранял вход в подземный мир.

Выше этого хищника контурно изображена огромная рыба с головой, обращенной вверх. В ряде алтайских мифов и в изображениях рыб на зодиакальных календарях нашли отражение представления о том, что на гигантской рыбе (одной или двух) держится земной мир или такая рыба может перекрывать вход в подземный мир. Немного выше, параллельно рыбе, на татуировке показана вереница из четырех козлов, непрерывно бегущих вверх. При этом самый крупный по размерам и верхний по расположению в «цепочке» козел изображен на уровне колена правой ноги человека.

На большом пальце кисти правой руки находился рисунок петуха, обращенного головой вниз [Баркова, Панкова, 2005; Баркова, 2015]. Сакральный образ петуха, исходя из общего анализа мировоззрения «пазырыкцев», являлся посредником между светом и тьмой, верхом и низом, жизнью и смертью, а также одним из образов в восточном зодиакальном круге/календаре. В области запястья изображена сцена нападения сверхъестественного крылатого хищника на реальную сайгу. Немного выше помещена небольшая по размерам фигура горного барана с поднятой вверх головой. Между двумя медиаторами, расположенными в области предплечья на правой и левой руке, находится крупное изображение хищника, вероятно, связанного с отражением в самой сакральной точке на теле человека, на уровне сердца, летнего небесного созвездия Льва (рис. 2). Два малых хищника на правой половине тела человека символизировали осеннее созвездие Весов. Через образ верхнего медиатора на правом плече осуществлялся переход к созвездию Барана/Овна на левой руке, а затем через нижерасположенного медиатора к образу Козла/Козерога, символизирующего Зиму, и далее к новому переходу вниз и новому подъему вверх – таков реконструируемый циклический зодиакальный путь на татуировке пазырыкского вождя.

Заключение

О высоком уровне сакрализации вождя из Пазырыка-2 свидетельствуют самая сложная по числу образов татуировка на его теле и самый сложный головной убор правителя. Вождь-жрец из большого кургана Пазырык-2, вероятно, выполнял социальные

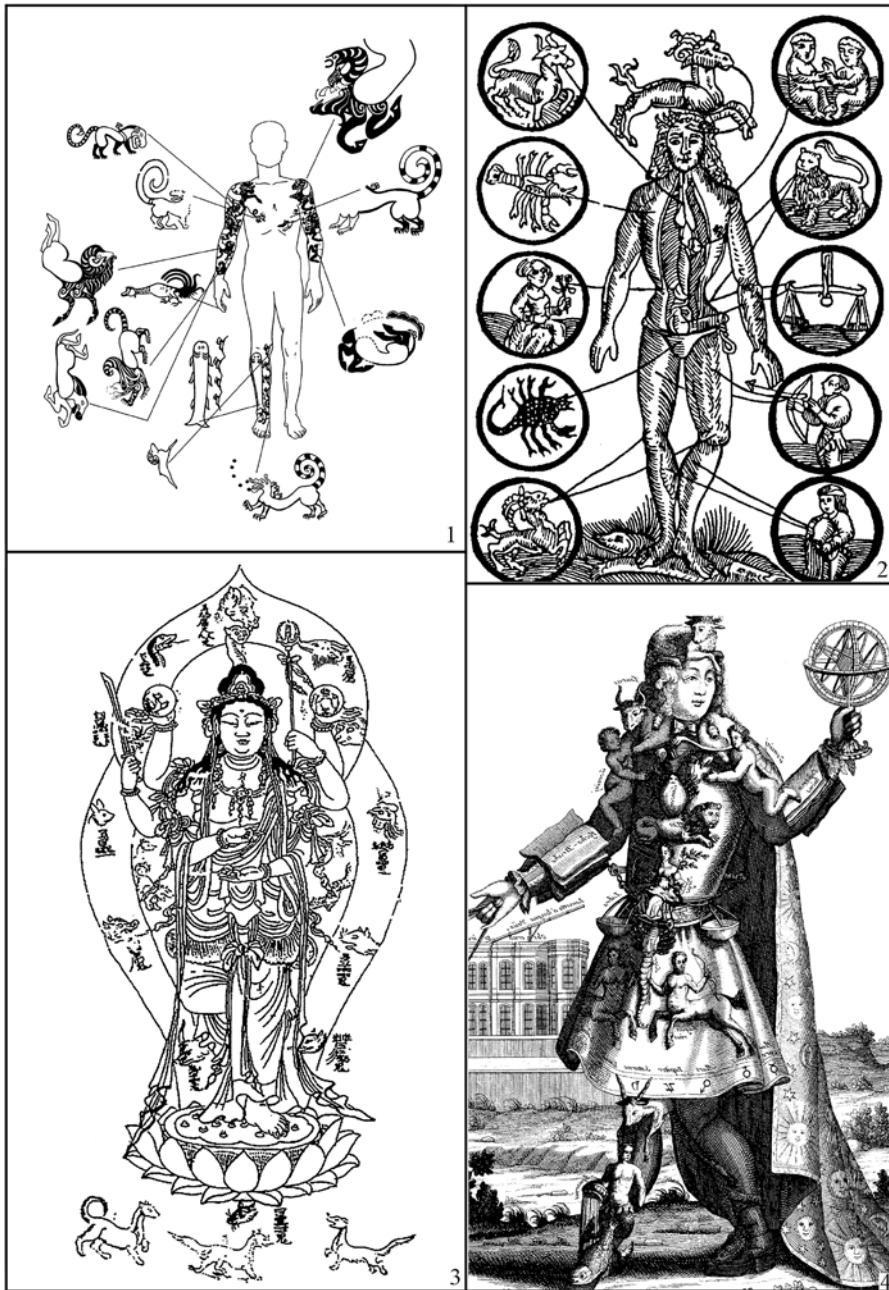

Рис. 2. Рисунки «зодиакального» человека из разных регионов Евразии: 1 – татуировка на теле вождя-жреца из Пазырыка-2; 2 и 4 – средневековые гравюры; 3 – буддийское изображение

и жреческие функции, о чем свидетельствуют размеры кургана, сопровождающие его предметы, число коней и сложная татуировка на его теле.

Расположение образов на татуировке из Пазырыка-2 имеет много аналогий среди изображений «зодиакального человека» из разных регионов мира (рис. 2). На более поздних *рисунках* «зодиакального человека», в основном появившихся в эпоху Средневековья и Нового времени, на изображении фигуры человека или рядом с ним рисовали 12 знаков западного или восточного зодиака. Близки и места расположения образов-созвездий: Рыбы (внизу), Козерог (колени), Лев/Хищник (сердце), Баран/Овен (верх). На *реальной татуировке* из Пазырыка-2 в основном отражены четыре времени года и переходы между ними, а также трехчленная вертикальная мировоззренческая структура (рис. 1 и 2). Образ нейтрального посредника-медиатора между противостоящими явлениями/образами способствовал в Пазырыке-2 успешному переходу от одного к другому, например, от зимы к весне. Медиатор осуществлял связи не только между разными сферами многослойного мира, но и соединял в единое целое вертикальное и горизонтальное Пространство и сезонное Время в годичный и многолетний жизненно необходимый сакральный круговорот/цикл.

Библиографический список

- Азбелев П.П. Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 7. СПб., 2017.
- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
- Баркова Л.Л. Изображение петуха в искусстве древнего Алтая // АСГЭ. Вып. 40. СПб., 2015.
- Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография, антропология Евразии. 2005. №2 (22).
- Грязнов М.П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // АСГЭ. 1984. №25.
- Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II. Барнаул, 2003.
- Киселев С.В. Отчеты о раскопках Большого Салбыкского кургана за 1954–1956 годы // Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 6. СПб., 2015.
- Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской культуры Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
- Лелеков Л.А. К символизму погребальных облачений скифо-сибирского мира («золотые люди») // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984.
- Литвинский Б.А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории и религии) // Советская этнография. 1982. №4.
- Марсадолов Л.С. «Модель мира» и основы сакрально-научных знаний древних кочевников Центральной Азии // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014.
- Марсадолов Л.С. Зеркало из алтайской коллекции П.К. Фролова // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 47. Л., 1982.
- Марсадолов Л.С. Календарные символы на двух культовых предметах из Ольвии и Келермеса // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 2013.
- Марсадолов Л.С. Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. Барнаул, 2005.
- Марсадолов Л.С. Общая схематичная реконструкция процесса сооружения Большого Салбыкского кургана // Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 6. СПб., 2015.
- Марсадолов Л.С. Социальная организация кочевников пазырыкской культуры Алтая (по курганным материалам) // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. В 2 кн. Кн. 2. Улан-Удэ, 2019.

- Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана №3 памятника Верх-Кальджин-II // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000.
- Полосьмак Н.В. Стережущие золото грифы. Новосибирск, 1994.
- Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
- Суразаков А.С. Космогонические представления в пазырыкском искусстве // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005.
- Черемисин Д.В. К семантике образа клыкового оленя в пазырыкском искусстве // Тропою тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. Кемерово, 2008.
- Шульга П.И. Изображения копытных грифонов из Дунхэйгоу (Синьцзян) // Древности Сибири и Центральной Азии. №3 (15). Горно-Алтайск, 2010.
- Jettmar K. Body-panting and Roots of the Scypho-Siberian Animal Style // The Archaeology of the steppes methods and strategies papers from the International Symposium field in Naples 9–12, November, 1992. Napoli, 1994.

УДК 902«637»(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.46

В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ЭПОХАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ В АНТРОПОМОРФНОЙ ПЛАСТИКЕ КУЛЬТУР ДОАНДРОНОВСКОЙ БРОНЗЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

К 75-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина

Работа выполнена по плану НИР, проект №0329-2019-0003

«Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях»

Предлагаемая статья посвящается 75-летию видного российского ученого и организатора науки, профессора Юрия Федоровича Кирюшина, создателя барнаульской археологической школы, в 1997–2011 гг. ректора и президента Алтайского государственного университета. В статье представлен анализ имеющих место эпохальных черт в пластическом искусстве культур доандроновской бронзы Западной Сибири. Рассматриваются культуры лесостепной зоны от Прииртышья на западе до бассейна левобережного Енисея на востоке, включая центральную часть – Приобье. К числу предметов антропоморфной пластики относятся фигурки мужчин, жезлы-скипетры или песты, увенчанные головой мужчины, скульптуры возничих, бытовые предметы с изображением мужского персонажа. В восточной зоне представлена пластика, изображающая преимущественно женщин. В результате исследования выделены три зоны пластического антропоморфного искусства, для каждой из них определяются общие черты и различия, проявляющиеся в трактовке образа, которые можно считать эпохальными. Прослеживаются параллели отдельных черт антропоморфной пластики с наскальными изображениями эпохи бронзы Южной Сибири и изображениями на стенках погребальных камер.

Ключевые слова: Западная Сибирь, антропоморфная пластика, культуры ранней–развитой бронзы, головные уборы, прически

Введение

Юрий Федорович Кирюшин – хорошо известный в нашей стране археолог и организатор науки. Ему принадлежит честь открытия и изучения свиты культур от неолита до Средневековья на территории равнинного и Горного Алтая, предтаежной и южнотаежной зон Западной Сибири. Под его руководством были проведены многочисленные экспедиции в непростых сибирских условиях, разведки и раскопки, обогатившие отечественную науку блестящими открытиями. Крайне важно, что получаемая в поле научная информа-